

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

**ВАШЕ
ОТСУТСТВИЕ
ОПЛАЧЕНО**

Павел Лимонов

Ваше отсутствие оплачено

«Автор»

2026

Лимонов П.

Ваше отсутствие оплачено / П. Лимонов — «Автор», 2026

Безупречно правдивый отчет частного детектива Кирилла Дроздова оказался удобен похитителям. Пока Кирилл за деньги сопровождал клиента, на другом конце города исчезла его напарница Ася Юдина. Теперь заказчик хочет «уточнить» отчет, знакомый передает угрозы, а полиция проверяет и самого сыщика. Кирилл подозревает, что оплатили не его наблюдение, а отсутствие рядом с Асей. Чтобы найти ее, придется раскрыть все: маршрут, переписку, полученные деньги и собственные ошибки. Следы ведут к людям, которым живые свидетели становятся опаснее любого долга. Отказаться от правды Кирилл не может. Но и времени на то, чтобы установить, кому и зачем понадобился его отчет, у Аси может не остаться.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое время	5
Глава 2. До одиннадцати	13
Глава 3. Полный отчет	20
Глава 4. Человек без голоса	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Лимонов

Ваше отсутствие оплачено

Глава 1. Чужое время

Клиент попросил меня записать, что сегодня вечером он никуда от меня не отходил. Я ответил, что вечер еще не наступил.

Мы сидели в моем кабинете, и за его плечом было видно, как уборщица из соседнего нотариата выжимала половую тряпку в круглое синее ведро. Дверь я не закрыл: ждал документы от адвоката и думал, что разговор займет десять минут. Человек в дорогом коричневом пальто предлагал мне закончить работу прежде, чем мы договорились о ее начале.

— Я не это имел в виду, — сказал он. — Мне нужен человек, который подтвердит факты. Своими глазами, без пересказов.

— Это уже ближе.

Он снял пальто, аккуратно сложил его вдвое и только после этого поставил на стол тонкую кожаную папку. Плечики висели у него за спиной. Пользоваться ими он, видимо, не собирался.

— Соколова сказала, вы беретесь за такие вещи.

— Елена Борисовна сказала, у вас спор с бывшим партнером. Давайте с него и начнем.

— Мы расходимся в бизнесе. Очень некрасиво.

— Для красивого расхождения я бы вам не понадобился.

Он не улыбнулся. Лицо у него было длинное, гладко выбритое, с мелкими красными точками там, где ворот рубашки терся о шею. Чуть за сорок, редящие светлые волосы, хороший загар, оставшийся от какого-то другого времени года. Он достал паспорт и положил передо мной открытым. Артем Викторович Ланской. Я сверил фотографию, вернул документ и надел очки.

В письме Соколовой лежали проект договора, выписка о принятом судом иске и три страницы переписки. Суть выглядела скучно и правдоподобно. Ланской и Денис Губин не могли поделить компанию, которая поставляла оборудование для небольших производств. Один считал, что другой вывел клиентов. Другой заявлял о давлении и угрозах. Вечером они должны были встретиться в кафе на юге Бережска, где раньше отмечали удачные сделки. Соколова предлагала мне присутствовать открыто, зафиксировать, состоялась ли встреча, кто на нее пришел и как вел себя ее доверитель. Аудиозаписи чужих разговоров исподтишка от меня не требовалось.

— Адвокат почему не едет? — спросил я.

— Губин отказался разговаривать при адвокатах. Говорит, тогда сразу в суд.

— А при частном детективе согласен?

— Ему сообщили. Вы будете сидеть отдельно.

— То есть человек не хочет юриста за своим столом, но согласен на наблюдателя за соседним.

— Ему важно, чтобы с нами никто не спорил. Он любит разговаривать.

Я поднял глаза. Ланской внимательно следил за моим лицом. Это не обязательно означало обман: люди, которые впервые приходили ко мне, часто пытались понять, за какую сумму я соглашусь стать тем сыщиком, которого они вообразили по дороге.

— Вы обратились в полицию по поводу угроз?

— Мне никто не обещал голову оторвать. Он пишет, что я пожалею. Что объяснит всем, кто я такой. Что заставит заплатить.

— Последнее иногда значит исковое заявление.

— Вот именно. А когда я ему отвечаю, он говорит, что я его запугиваю. Я не хочу потом доказывать, что не делал ничего такого.

Я просмотрел переписку целиком, с датами, а не только выделенные Соколовой сообщения. Там действительно хватало взаимной злости. Губин писал длинно, ночами, прикладывал фотографии каких-то коробок. Ланской отвечал коротко и через раз. В одном сообщении он предложил встретиться без «обслуживающего персонала». Соколова пометила это место желтым.

— Вы так своего адвоката называете?

— Мы потом обсудили. Плохая формулировка.

— Бывает. Только я тоже человек за деньги. Если вечером решите, что я мешаю, закончить работу задним числом не получится.

— Мне нужно, чтобы вы не мешали. Просто были рядом.

Он произнес это спокойно, без нажима. Я записал в блокноте название кафе: «Тополь». Встреча была назначена на пять часов. Второе место в проекте не значилось.

— До скольких?

— Лучше до одиннадцати.

Я снял очки.

— Шесть часов на разговор о разделе компании?

— С Губиным возможно все. Он может опоздать. Может предложить переехать. Мне легче заранее оплатить время, чем потом искать вас.

— Если угроза станет реальной, я вызываю полицию. Защищать вас от нападения в цену не входит. Могу предложить охранную организацию, если считаете, что она нужна.

— Не нужна. Денис только кричит.

— До и после оговоренного времени я ничего не подтверждаю. Вне моего поля зрения — тоже. Если вы выйдете курить, а я останусь в кафе, так и будет записано. Ни одной минуты не добавлю по вашей просьбе.

— Мне это и нужно.

Я привык настораживаться, когда человек соглашался слишком быстро. Попросил его подождать и вышел в приемную позвонить Соколовой. Уборщица уже ушла. На плитке остались темные мокрые полукружья. У двери Аси лежала картонная коробка из-под нового принтера, который мы утром обещали друг другу вынести к мусорным бакам. Ни один не вынес.

Соколова ответила со второго раза. На заднем плане кто-то требовал у нее подписать доверенность.

— Проект читали? — спросила она.

— Читал. Вы его к кому посылаете: к партнеру или в засаду?

— Если бы в засаду, я бы рекомендовала не ходить. Спор настоящий, Кирилл Андреевич. Номер дела у вас есть. И переписка не вчера началась.

— Шесть часов.

— Это его желание. Не мое. Я сказала, что ваше присутствие не обеспечит ему заранее правильную версию любых событий. Повторите, если хотите.

— Уже повторил.

— Вот и хорошо. Никакой особой формулировки в отчете нам не нужно. Нам нужен отчет о том, что вы лично наблюдали. Губину я направила сообщение, что господина Ланского будет сопровождать частный детектив. Он прочитал и ответил: «Пусть хоть цирк приводит». Это тоже переслать?

— Перешлите.

— Только не приводите цирк. Судья у нас и без того устала.

Я вернулся в кабинет. Ланской не трогал папку, которая лежала перед ним, и не смотрел в телефон. Его ладони были прижаты к коленям. На безымянном пальце правой руки остава-

лась светлая полоска, кольца не было. Я заметил ее и ничего из этого не заключил. У людей опухают руки, теряются кольца, заканчиваются браки. К чужому деловому спору это пока не относилось.

— Поездки на чьей машине? — спросил я.

— Моя сегодня в ремонте. Можем на такси.

— Поедем на моей. Вы оплачиваете фактические расходы. Приезжаете к пяти в «Тополь», там начинаем. Наблюдать за тем, как вы одеваетесь дома, я не буду.

Ланской впервые улыбнулся.

— А сколько стоит вечер?

Я назвал сумму. За срочный выезд до поздней ночи она была выше обычной, и я добавил, что остаток за неиспользованное время верну согласно договору. Он не стал торговаться. Это мне понравилось больше, чем следовало.

Последние две недели я занимался вещами, за которые люди платили неохотно: искал фактический адрес бывшего супруга, исчезнувшего между разделом имущества и уплатой долга; проверял, действительно ли тяжело больной отец клиента нуждается в сиделке, которую почему-то каждый день видели в торговом центре; трижды ездил по одному и тому же адресу к человеку, который обещал поговорить и не открывал. Денег на жизнь хватало. На новый комплект зимней резины, предоплату за кабинет и сломавшийся домашний холодильник одновременно — уже не очень.

Я не был в отчаянии. Для плохого решения это редко обязательно.

Когда Ланской ушел, на столе лежал подписанный договор, а в телефоне было подтверждение предоплаты. Я отправил ему время и место начала работы, распечатал документы и отнес второй комплект в шкаф. За соседней стеной Ася разговаривала с женщиной. Голос женщины слышался отчетливо даже через закрытую дверь.

— Я не говорю, что он хороший. Я спрашиваю, где он.

Потом Ася ответила что-то слишком тихо. Я остановился у шкафа, дождался конца фразы, которую все равно не разобрал, и пошел ставить чайник.

Ася вышла через двадцать минут вместе с пожилой женщиной в вязаной шапке. Они были почти одного роста, но женщина сутулилась и держала обеими руками раскрытую сумку, словно боялась что-нибудь потерять. Из сумки торчал прозрачный файл с фотографией мужчины.

— Это Кирилл Андреевич, мы иногда работаем вместе, — сказала Ася. — Если меня не окажется, можно оставить сообщение ему. Номер на карточке.

Я кивнул. Не стал изображать человека, уже знающего все о ее несчастье.

— Вы найдете? — спросила женщина.

— Мы будем искать, — ответила Ася прежде меня. — Сегодня я вам позвоню сама. Даже если пока нечего будет сказать.

Женщина повертела в руках карточку, проверяя, есть ли что-нибудь на обороте.

— Мне вчера тоже обещали позвонить.

— Я вчера звонила вам в семь.

— Я не про вас. Простите. Я все время думаю, что он сейчас придет, и мне стыдно будет, сколько людей подняла.

Ася помогла ей застегнуть сумку. На прощание женщина не пожала нам руки, только еще раз посмотрела на дверь, будто проверяла номер кабинета, и ушла к лестнице.

— Климова? — спросил я, когда стало тихо.

— Нина Степановна. Сергея мать.

— Пятый день?

— С пятницы. Шестой.

Ася забрала у меня кружку, которую я собирался налить себе, и села на подоконник. Мы арендовали два кабинета в бывшем проектном институте. Приемная была общая, бухгалтер — один на двоих, холодильник — Асин, стол для клиентов — мой. На дверях висели отдельные таблички с номерами лицензий. В первые годы я исправлял людей, называвших ее моей помощницей. Потом Ася стала исправлять их сама, и происходило это заметно быстрее.

— Что нового?

— Есть женщина, которая говорит, что его видела. Хочет встретиться сегодня.

— Где?

— Пока не договорились.

— В отдел она пойдет?

— Я предложила. Она сказала, что сначала должна убедиться, что он жив. Я ответила, что помочь ему смогут и без предварительного экзамена. Разговор на этом закончился.

— Потом перезвонила?

— Потом написала. Теперь выбираем людное место. Она не хочет сообщать адрес по телефону и не хочет, чтобы я приезжала к ней. Я не собираюсь ее вытаскивать клещами.

Я взял вторую кружку. Из чайника вылилась только половина, и пришлось снова идти за водой.

— У тебя вечером что? — спросила Ася.

— Наблюдение по гражданскому спору. В пять. На юге.

— Надолго?

— Заказчик оплатил до одиннадцати. По делу там на час.

Она посмотрела на меня поверх кружки.

— Это ты решил или Губин с Ланским согласовали?

— Откуда ты знаешь фамилии?

— У тебя принтер стоял на общем доступе. Я забрала свой лист с их договором на обороте. Ты опять использовал старую бумагу.

— Не договор. Проект сопроводительного письма.

— Тем более. Чужие фамилии не должны торчать из моего сканера.

Я хотел сказать, что ничего особенного в названии компании нет, но Ася была права. Забрал лист, проверил настройки печати и переключил устройство на свой кабинет. Эта мелкая бытовая неприятность сразу вернула нас к привычным ролям: я спешил, она заставляла меня закончить то, что я считал законченным.

— Если встреча у тебя поздно, освобожусь — подъеду, — сказал я. — Или попросим Сомова. Он сегодня вроде свободен.

— Сомов недавно ходил за женщиной в лифт, потому что «только хотел спросить». Мне сейчас нужна не такая помощь.

— Он потом извинился.

— Я не спорю. Только у человека, который боится разговаривать, нет обязанности оценить его рост и воспитание.

Я прислонился к шкафу. Ася держала кружку обеими ладонями. Ноготь на указательном пальце у нее был сломан почти под корень и заклеен узкой полоской пластыря. Утром она собирала стеллаж и отказалась ждать, пока я закончу разговор.

— Возьми хотя бы машину, — сказал я.

— Моя у электрика, а твою ты сам сейчас занимаешь.

— Такси туда и обратно.

— Кирилл, у меня есть приложение и деньги.

— Я не об этом.

— Я поняла, о чем. В кафе, где будут люди. Если она начнет звать меня в неизвестную сторону, я не поеду. Если выяснится, что есть прямая угроза, позвоню в полицию. Что еще?

— Чтобы ты сказала мне адрес.

— Скажу, когда он будет.

Ася встала с подоконника и поставила кружку в раковину, не допив. Она не сердилась. Хуже: она давно научилась ждать, пока я договорю свои правила, и отвечать только на то, что действительно имело смысл.

— Про человека что известно? — спросил я.

— Климов? Монтажник. Должен деньги. Мать об этом знала, но думала, что он уже расплатился. Она сама подала заявление в субботу. Полицейский, который с ней работает, нормальный. Проверяют больницы, знакомых, последние места. Я не открываю Америку.

— Долг большой?

— Для него большой. Я еще не видела договор. И я пока не знаю, связано ли исчезновение с ним. В пятницу он сказал матери, что поедет говорить насчет работы. После этого она его не слышала.

— А эта женщина?

— Сотруднику, который ведет розыск, я про нее сообщила. Пока это человек, который утверждает, что видел Сергея. Ни адреса, ни сведений о преступлении у меня нет. Если появятся, передам сразу.

— Она говорит, что он у кого-то?

— Нет. Говорит, что видела позже. Не говорит когда. Не говорит где. Зато знает то, чего не было в ориентировке. Старую травму руки, например. Я проверила у матери.

— Можно узнать у знакомых.

— Можно. Поэтому я разговариваю, а не объявляю дело раскрытым.

Она забрала со стола телефон. На экране высветилось сообщение, и лицо у Аси изменилось: чуть подтянулись мышцы у рта, подбородок пошел вперед.

— Адрес? — спросил я.

— Еще нет. Она спрашивает, могу ли я приехать без тебя.

Я поставил чайник мимо подставки. Вода плеснула на край столешницы.

— Откуда она знает про меня?

— У нее наша общая карточка. На ней две фамилии и два номера. Спросила, поедem ли мы вдвоем.

— Меня это не радует.

— Меня тоже. Сейчас уточню.

Ася набрала ответ, не поворачивая ко мне экран. Я не требовал показать. У нас были разные клиенты, и привычка работать рядом не давала мне права читать все, что они ей сообщали.

Ответ пришел почти сразу. Ася прочла его дважды.

— Говорит, что с двумя сыщиками встречаться не станет. Со мной одной поговорит.

— Что меняет второй человек?

— Именно это я и спрашиваю.

Она села за стол в приемной, выдвинула стул ногой и позвонила. Я отошел к себе. Минут через пять услышал:

— Нет, туда я не пойду. Если вам неудобно говорить в кафе, можете передать сведения сотруднику полиции. Да. Я понимаю, что вы переживаете. Нет, убеждать меня не надо.

Потом Ася положила трубку и постучала в мою дверь.

— Отказалась от встречи в каком-то дворе, — сказала она. — Если согласится на кафе у автовокзала, поговорю. Это пока все.

— И хорошо.

— Не говори так, будто я сдала тебе зачет.

Она произнесла это без раздражения, но я все-таки почувствовал себя неловко.

— Хорошо, что не пошла во двор, — уточнил я.

— Вот с этим согласна.

В половине третьего пришел Влад Мальков. В руке он держал потрепанный справочник, который занял у меня года четыре назад, когда менял устав своей компании. Справочник давно потерял практический смысл; на обложке стоял год, по которому можно было оценить не содержание, а возраст нашей дружбы.

— Смотри, какой я человек, — сказал Влад вместо приветствия. — Долги отдаю.

Он положил книгу на стол и оглядел кабинет. Обычно я видел его зимой в темных пуховиках, а сейчас он носил короткое пальто с вязаным воротником. На левой руке торчал в сторону криво сросшийся мизинец. Он сломал его еще на службе и всю жизнь считал, что это произошло из-за напарника, который слишком поздно открыл дверь.

— Еще лет пять, и можно было бы сдавать в музей, — сказал я.

— Зато сам принес. Ты как?

— Работаю.

— Вижу. Окно заклеил наконец.

— Ася заклеила.

Влад хмыкнул. Мы познакомились до того, как я ушел из органов, и какое-то время действительно помогали друг другу. Потом у каждого появились собственные привычки. Он любил говорить о людях, которых «можно решить», я перестал понимать, что именно он предлагал решать. Это не делало его в моих глазах преступником. Но совместные заказы я уже не брал.

— Чаю?

— На минуту забежал. Внизу машину поставил криво.

Из соседнего кабинета вышла Ася и поздоровалась. Влад перевел взгляд на коробку от принтера.

— Обновляется. Значит, дела идут.

— Старый все время хватал по три листа, — ответила она.

— И у меня такой был. Отдал ребятам на базу, они его молотком наладили.

— Наш тоже можно было молотком. Только назад уже не собрать.

Влад засмеялся и снова повернулся ко мне.

— Вечером занят? Есть человек, хотел бы с тобой посоветоваться. Без экзотики, обычный спор.

— Сегодня не могу.

— Надолго уезжаешь?

— До ночи.

— С Асей?

— По разным делам, — ответила она сама. — А насчет человека пусть напишет, что ему нужно.

На секунду в приемной стало тихо. Влад посмотрел на нее внимательно, как смотрел когда-то на молодых сотрудников, которые отвечали на вопрос, заданный старшему. Ася его взгляда не отвела.

— Напишет, — сказал он. — Хорошо тут у вас. Только тесновато.

Он не спросил, какой спор мне предложили, не назвал своего знакомого и не допил чай, потому что я его так и не налил. Постоял у двери, застегивая пальто, затем ушел. Я слышал, как он разговаривал с кем-то по телефону на лестнице, но слов не разобрал.

Ася проводила его взглядом.

— Он вернул книгу, — сказал я.

— Я видела.

— Ты на него каждый раз так смотришь, будто у него под курткой отмычки.

— У него под курткой представление, что все остальные работают у него. Отмычки хотя бы можно не доставать.

Я убрал справочник на верхнюю полку. Он пах машинным салоном и табаком. Влад давно уверял, что бросил курить.

Оставшиеся полтора часа я потратил на подготовку, которая со стороны выглядела скучнее самой работы. Проверил договор, сохранил исходную переписку отдельно от своих пометок, зарядил второй телефон, убрал из машины чужие документы. Позвонил в «Тополь», уточнил часы работы и возможность поставить машину. Администратор сказала, что до десяти кафе занято обычными посетителями, после десяти остается только банкетная комната, если ее бронировали. Сегодня не бронировали. Я записал это рядом с договорными одиннадцатью.

Ланскому я позвонил из машины.

— В «Тополе» закрываются в десять, — сказал я.

— Если потребуется, переедем.

— Куда?

— Недалеко есть «Южный двор». Там до полуночи. Я надеюсь, до этого не дойдет.

— Я тоже. Подтвердите, что Губин будет к пяти.

— Договоренность остается.

Больше я ничего не уточнил. В эту минуту он мог иметь в виду то, что договоренность когда-то существовала. Я услышал более удобный ответ: человек собирается приехать.

У меня было сорок минут. Я заехал на шиномонтаж, где оставил записку с просьбой подобрать резину к выходным, и забрал из соседнего магазина две бутылки воды. Во время наблюдения за чужим ужином обычно забываешь поесть сам. Купил еще бутерброд в пластиковой коробке, положил на пассажирское сиденье, вспомнил, что там будет сидеть клиент, и переложил назад.

Ася позвонила, когда я выезжал к мосту.

— Договорились, — сказала она. — Восемь двадцать. «Перрон», у северного автовокзала. Внутри, не во дворе.

— Там кафетерий, кажется, до девяти.

— До десяти. Я уточнила. Женщина сказала, что придет одна.

— Имя?

— Я пока не хочу произносить вслух. Стою в коридоре.

— Пришлешь карточку встречи?

— Как обычно. Только контакт не распространяй. Я обещала без необходимости не передавать его никому, кроме полиции.

— Понял. Мать знает, что ты встречаешься с возможным свидетелем?

— Знает, что есть разговор. Без подробностей. Не хочу обещать ей сына к ужину.

Я остановился у светофора. По пешеходному переходу шел мужчина с маленьким мальчиком. Оба несли одинаковые прозрачные пакеты со сменной обувью. У мальчика внутри лежали красные кеды, у отца — большие черные ботинки. Они шли медленно, и водитель сзади посигналил прежде, чем им дали зеленый для машин.

— К половине девятого, может, освобожусь, — сказал я.

— Не обещай. У тебя в договоре до одиннадцати.

— Это верхняя граница.

— Вот и напиши мне, когда будет ясно. Я тебе не смену закрываю, Кирилл.

Я хотел спросить, почему она сегодня все время поправляет меня, но вспомнил, что с утра несколько раз поправлял ее сам.

— Хорошо. Кафе помню. На улице не стой.

— На улице дождь. Это я сама соображу.

Она отключилась. Почти сразу пришла фотография ее обычной рабочей карточки: дата, время, адрес, пометка «возможный свидетель по С. Климову». Контактная строка была закрыта узкой полоской бумаги. Внизу Ася своей неровной подписью подтверждала, что сведения для экстренной связи можно передать в полицию. Такой порядок мы придумали после одного выезда в деревню, где связь пропала на несколько часов. Карточки хранили не клиентские секреты, а достаточно сведений, чтобы искать нас, если мы не вернемся.

Я сохранил фотографию в отдельную папку и ответил: «Получил. На связи». Затем переслал ей свою: «Тополь», Ланской Артем Викторович, гражданский спор, начало 17:00, окончание не позднее 23:00. Закрывать имя я не стал: клиент письменно разрешил сообщить коллеге маршрут в целях безопасности. Ася прислала короткое «Есть».

До кафе оставалось семь минут. Я включил обдув лобового стекла, потому что оно запотело по нижнему краю, и проверил, не забыл ли ручку. В бардачке лежали три. Все писали.

В без пяти пять Ланской стоял под навесом «Тополя», держа за ручку сложенный зонт. Моя машина ему не понравилась: я увидел, как он быстро осмотрел грязный порог и треснувший угол заднего фонаря. Потом он открыл пассажирскую дверь и спросил, можно ли оставить зонт в салоне.

— Лучше у входа, — сказал я. — В машине никого не будет.

— Разумеется.

Я поставил первую отметку времени в блокноте. Ланской смотрел на кончик ручки так внимательно, словно от этого зависел результат нашей работы.

— Начали? — спросил он.

— В семнадцать начнем. Еще две минуты.

Он убрал телефон в карман, хотя экран только что загорелся.

— Тогда я подожду.

Глава 2. До одиннадцати

В пять Ланской вошел в кафе первым и сразу выбрал стол у окна. Я остался у входа, снял куртку и спросил администратора, где можно сесть так, чтобы не мешать его встрече. Она указала на стол через проход. Оттуда я видел лицо клиента, свободный стул напротив него и единственную дверь для посетителей.

— Мы не снимаем ваше заведение, — сказал я. — Если человек напротив начнет возражать против моего присутствия, я не стану с ним спорить.

— Только без скандала, пожалуйста.

— Я тоже предпочитаю без скандала.

Администратор посмотрела на Ланского. Тот снял пальто и разложил на столе телефон, бумажную папку и очки в жестком футляре. Потом повернулся к нам и приветливо кивнул. Женщина пожала плечами: человек выглядел достаточно прилично, чтобы испортить вечер в кафе по всем правилам.

Я заказал чай и сел. В блокноте записал время, расположение столов, фамилию клиента. Напротив строки о других участниках оставил место. Достал телефон, поставил звук на обычную громкость. Наблюдение не делало меня недоступным для всего остального мира.

Ланской раскрыл папку и несколько минут рассматривал первую страницу. Потом перевернул ее. Официантка принесла ему кофе, и он аккуратно подвинул блюдце так, чтобы оно не заходило на бумагу. В этих движениях не было ничего, что стоило бы отдельно описывать в отчете. Человек ждал делового партнера. Такое я видел не раз.

В семнадцать двенадцать ему позвонили. Он выслушал собеседника, сказал: «Да, я на месте», затем: «Давайте без этого» — и положил телефон экраном вниз. Я отметил разговор, но не имя звонившего: его я не знал.

Через пять минут он подошел к моему столу.

— Задерживается, — сказал он.

— Насколько?

— Не уточнил. У него это манера. Чтобы все сидели и ждали.

— Я могу отметить, что к назначенному времени он не прибыл. Если вы уедете, ничего страшного в отчете не произойдет.

— Мне нужен разговор, а не отметка об отсутствии.

— Тогда ждем.

Ланской вернулся к своему столу. Официантка заменила ему пустую чашку на новую, а мне принесла чайник. В кафе входили люди, стряхивали с зонтов воду, искали взглядом знакомых. Я отмечал лишь тех, кто подходил к Ланскому. Таких не было.

Около половины шестого вошел мужчина с плотной папкой под мышкой. Ланской поднялся. Я тоже посмотрел на него внимательнее. Но мужчина прошел к женщине в конце зала, поцеловал ее и снял куртку. Ланской сел обратно, не дожидаясь, пока я отвернусь.

Пока все выглядело как обычная потеря времени. Я подумал об Асе: если Губин не появится до шести, клиенту надоест, и я успею на север даже с запасом. Открыл чат, набрал «Пока ждем» и стер. Она не просила сообщать ей о каждой минуте моего вечера.

В шесть я сам подошел к Ланскому.

— Час прошел. Давайте уточним, собирается ли он приезжать.

— Я написал.

— Ответил?

— Пока нет.

На экране лежавшего перед ним телефона было открыто окно сообщения, но текст я не читал. Нельзя было одновременно обещать человеку наблюдение в определенных пределах и через час заглядывать ему через плечо, потому что стало скучно.

— Позвоните, — предложил я.

— Он может воспринять как давление.

— Один вопрос, ждать ли его, не похож на давление.

Ланской провел пальцем по краю чашки.

— Вы его не знаете.

— Не знаю. Я знаю, что вас пока нет причин держать здесь до ночи. Моя оплата от этого не изменит смысла встречи.

— Вам куда-то нужно?

— Время от времени всем куда-то нужно.

— Но мы договорились до одиннадцати.

— Мы договорились, что я могу работать до одиннадцати. Не что вы обязаны ждать человека, который не приходит.

Он несколько секунд смотрел на меня. Потом взял телефон и набрал номер, не пользуясь списком последних вызовов. Это я заметил лишь потому, что стоял рядом. Слышать другой конец разговора я не мог.

— Денис, я здесь. Да. Нет, все как согласовали. Хорошо. Хорошо, я понял.

Он отключился и посмотрел на меня почти с облегчением.

— Половина седьмого. Ему неудобно сюда. Предлагает «Южный двор».

— Причину назвал?

— Говорит, у него потом встреча рядом. Все равно мы на вашей машине.

Я вернулся за курткой. Во время телефонного разговора Ланской не повторял название нового кафе. Это само по себе ничего не доказывало. Они могли договориться о нем раньше, а он мог сейчас просто подтвердить. Я поставил в блокноте: «18:07. Со слов Ланского — предложение перенести встречу». Именно со слов. Разница занимала два слова и иногда имела большое значение.

Когда я рассчитывался, администратор спросила, дождались ли мы человека.

— Пока нет, — ответил я.

— Может, он на другой адрес поехал? У нас еще «Тополь» на Заречной, там летом шашлык.

Я передал вопрос Ланскому. Он даже не обернулся.

— Нет. Этот адрес он знает.

На парковке мне пришлось сначала выгнать из-под переднего колеса кота. Он сидел у теплого двигателя и не желал обсуждать чужой гражданский спор. Ланской ждал под зонтом. Когда я наконец выехал, он попросил поставить отопление посильнее.

— В вашем кабинете тоже холодно, — сказал он.

— Там окно. Здесь ноябрь.

Он усмехнулся, решив, видимо, что это была шутка.

До «Южного двора» было около четырех километров. За стеклом тянулись низкие магазины, шинные центры, два жилых дома с одинаковыми светящимися вывесками аптек. Этот район я знал плохо. В нем постоянно достраивали что-то одно и разбирали другое; навигатор любил предлагать короткую дорогу через закрытый шлагбаум.

— Налево после заправки, — сказал Ланской.

— Навигатор показывает прямо.

— Там ограждение. По набережной объедем.

У заправки действительно стоял желтый знак с нарисованной схемой объезда. Я повернул. Мы проехали мимо огражденной стройки, потом под железнодорожным мостом. На берегу было темно. Редкие фонари отражались в длинных полосах воды у обочины.

Ланской смотрел вперед и не пытался отвлечь меня разговором. На очередном светофоре зажегся его телефон. Он прочел сообщение, набрал ответ двумя большими пальцами и убрал аппарат в карман. Я не следил за каждым движением, но телефон был единственной вещью, которая как будто не участвовала в его подчеркнутом ожидании: он жил своей отдельной, довольно деятельной жизнью.

— Соколова давно вас знает? — спросил он.

— Несколько лет.

— Вы ведь раньше служили?

— Да.

— Почему ушли?

Этот вопрос задавали почти все. Одни хотели услышать про конфликт с начальством, другие — про страшное дело, после которого я не мог спать. Я ушел по совокупности причин, среди которых были усталость, деньги и нежелание снова объяснять очередному руководителю, почему невозможно заранее обещать результат. Короткой интересной истории не получалось.

— Решил работать сам, — сказал я.

— Хорошее решение. Когда сам, хотя бы понимаешь, кто платит.

— Не всегда сразу.

Он посмотрел на меня, затем снова отвернулся к дороге.

— В смысле?

— Иногда платит один человек, а командовать начинает другой. Поэтому и уточняю все на берегу.

— У нас такого не будет.

Я не стал отвечать. Повернул на стоянку «Южного двора» и поставил машину так, чтобы можно было выехать, не сдавая назад. Не потому, что ждал опасности. В мокрой темноте я просто не любил полагаться на маленькие зеркала своего универсала.

На часах было восемнадцать двадцать четыре.

Второе кафе оказалось просторнее первого. Перед входом стояли две кадки с искусственными деревьями, а внутри пахло хлебом и жареным луком. В дальнем зале кто-то отмечал день рождения: на стене висели золотые цифры пять и ноль. Из-за закрытой двери иногда доносился смех, но музыка не мешала разговаривать.

Ланской выбрал стол так, чтобы видеть вход. Я сел по диагонали, в четырех шагах от него. Заказал суп. Если уж мне предстояло провести здесь еще полтора часа, бутерброд мог остаться до завтра.

В половине седьмого Губин не пришел. В без четверти семь Ланской попросил меню. В семь мне позвонила Соколова.

Я вышел из-за стола, но остался в том же зале, у пустой стойки гардероба. Клиент был виден полностью, в нескольких метрах. Он листал меню и разговаривал с официантом.

— Как проходит? — спросила она.

— Пока никак. Губина нет. Переехали.

— Куда?

— В «Южный двор». Ланской сказал, по его просьбе.

— Мне Денис ничего не написал.

— Мне тоже. Я с ним не связывался. Писать в отчет буду только фактическое.

— Разумеется. Если они решат что-то подписывать, пусть сначала позвонят мне. Скажите Артему Викторовичу еще раз. Он любит пожимать руки прежде, чем поймет, под чем расписывается.

— Скажу. Вы сами ожидаете, что Губин приедет?

— Я уже ничего от него не ожидаю. Вчера он согласовал встречу, сегодня весь день молчит. И вас прошу ему не звонить: в ответе он отдельно потребовал, чтобы привлеченные специалисты с ним напрямую не связывались. Я сейчас сама еще раз уточню. У вас с заказчиком есть предел по времени?

— Одиннадцать.

— Тогда хотя бы не ждите после него.

Она закончила разговор. Пока я возвращался к столу, пришло ее сообщение: «Вызов отклонен. Запрос о встрече направила письменно. Ответа пока нет». Я сохранил его и записал звонок. Еще один независимый способ проверки закончился тем же отсутствием ответа; это не подтверждало объяснения Ланского. Ланской наблюдал за мной.

— Елена Борисовна? — спросил он через проход.

— Просила ничего не подписывать без нее.

— Я знаю.

— И спрашивала, почему мы переехали. Я сказал, что вы сообщили о просьбе Губина.

— Все верно.

Я доел остывший суп. Было семь десять. Пришло сообщение от Аси: «Выехала. Все по плану». Я ответил, что еще на юге и рассчитывать на мое прибытие к восьми двадцати не стоит. Она прислала номер машины такси и смайлик с поднятым большим пальцем. Смайликами Ася пользовалась обычно тогда, когда не хотела продолжать разговор.

В семь двадцать Ланской встал и пошел к уборной. Коридор был короткий, хорошо освещенный, дверь располагалась прямо напротив моего места. Я видел, как он вошел, и отметил время. Сидеть в кабинке рядом с ним не входило в мои обязанности. Когда он вернулся через четыре минуты, я поставил вторую отметку.

— Это тоже записали? — спросил он, заметив блокнот.

— Да.

— Я ведь просто вышел руки вымыть.

— Так и напишу: находился вне моего поля зрения с семи двадцати до семи двадцати четырех. Что вы делали внутри, я не знаю.

— Но из здания я не выходил.

— Я этого не утверждал.

— Там нет другого выхода.

— Я не осматривал все технические помещения кафе.

Он посмотрел на дверь, потом на меня. Его раздражение было небольшим, хорошо воспитанным. Я успел заметить его только потому, что ждал реакции.

— Зачем тогда вообще такое наблюдение?

— Чтобы потом не спорить о том, что действительно видели.

— Я нанял вас не для того, чтобы вы допускали любые нелепости.

— И не для того, чтобы я их исключал без проверки.

Несколько секунд мы молчали. Официант нес к соседнему столу большую тарелку с рыбой и замедлил шаг, решая, нужно ли вмешаться. Ланской заметил это, улыбнулся и отошел к своему месту.

— Все правильно, — сказал он. — Простите. Тяжелый день.

Я снова надел очки и проверил запись. Четыре минуты отсутствия. Я мог бы не выделять их отдельной строкой, если бы меня просто попросили описать вечернюю встречу. Но клиент с самого начала желал подтверждения непрерывного присутствия, и именно поэтому промежуток должен был остаться. Никакого профессионального подвига в этом не было.

В семь сорок он получил еще один звонок. Теперь встал, но к двери не пошел. Разговаривал у своего стола, глядя в окно.

— Нет. Мы уже здесь. Я жду. Да, понял. Поговорим потом.

Потом он сел и взял вилку. Еда успела остыть. Он сделал несколько движений, как человек, выполняющий необходимую процедуру, и отодвинул тарелку.

— Снова Губин? — спросил я.

— По работе.

— Не отменил?

— Кто?

— Денис Губин.

— Нет. Пока нет.

С этого момента я перестал ждать, что встреча все-таки состоится. Ланской либо не умел признать, что его заставляют сидеть зря, либо у него было другое основание оставаться здесь. Это еще не означало преступления. Я видел предпринимателей, которые часами ждали отказавшего партнера только ради фразы «А я приехал» на следующем разговоре. Иногда такая фраза стоила им дороже денег.

Я подошел к нему с блокнотом.

— Артем Викторович, сейчас без десяти восемь. Я предлагаю закончить. Я зафиксирую отсутствие второго участника и то, что вы оставались доступны для встречи. Вы вправе ждать дальше, но профессионального смысла в моем присутствии я больше не вижу.

— У нас договор.

— Он допускает прекращение работы. Остаток предоплаты верну.

— Дело не в деньгах. Пожалуйста, останьтесь еще немного.

Он произнес последнее слово тише, чем остальную фразу. Я уже собирался повторить отказ, но он добавил:

— Если я сейчас уеду, он скажет, что я не хотел договариваться. У меня из-за него шестнадцать человек без понимания, что будет в декабре. Вы можете считать меня глупым. Но я сегодня намерен дождаться ответа.

Это было впервые за вечер похоже на объяснение, а не на распоряжение. Я посмотрел на экран его телефона. Он лежал погасшим.

— До половины девятого, — сказал я. — Затем вы связываетесь с ним при мне и выясняете, будет ли встреча. Если нет — заканчиваем. Я не собираюсь до ночи описывать, как остывает ваш ужин.

— Спасибо.

Я вернулся за свой стол. Восемь двадцать Аси уже не помещались ни в какую честную оценку дороги. Я снова написал ей, что не успею. Она ответила: «Я на месте. Пока одна. Люди есть». Через минуту пришло второе сообщение: «Сотруднику сообщила адрес. Пока обычный разговор. Не переживай». Я посмотрел на него чуть дольше, чем на первое.

Не переживать по просьбе другого человека у меня получалось плохо. Но заменить ее решение своим я не мог. Ася знала о работе не меньше меня, просто мы замечали разные вещи. Я чаще видел возможность нападения. Она — момент, когда человек еще готов сказать правду и его не стоит пугать чужой уверенностью. За шесть лет это не раз помогало нам обоим.

У соседнего стола заплакал ребенок. Мать поспешно стала собирать вещи, отец попросил счет. Официантка разлила чай по блюду, извинилась, принесла салфетки. За банкетной дверью запели. Вечер продолжался во всех своих обычных видах, и от этого наше неподвижное ожидание казалось еще нелепее.

В восемь пятнадцать Ланской попросил пересесть за его стол.

— Если Губин завтра скажет, что я его сегодня где-то караулил, вашего отчета будет достаточно? — спросил он.

— Достаточно для чего?

— Чтобы доказать, что я был здесь.

— За время наблюдения. Здесь есть еще камеры и персонал. Сначала придется выяснить, о чем именно говорит Губин.

— Но вы независимый человек.

— Вы оплачиваете мою работу. Любую мою бумагу вправе проверять. И должны, если от нее зависит что-то важное.

Он провел пальцем по краю папки. На ней остался мокрый след от стакана.

— Даже если это навредит заказчику?

— Вы прочитали договор.

— Прочитал. Просто пытаюсь понять, что получается за мои деньги.

— Пока — несостоявшаяся встреча.

Он откинулся на спинку стула. На шее снова выступили красные точки. Ланской расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и посмотрел на дверь.

— Еще немного, — сказал он.

Я вернулся на свое место с отчетливым желанием уехать. Не потому, что разгадал тайный замысел, — никакого замысла я пока не видел. Мне не нравилось, что клиент все чаще спрашивает о свойствах будущего отчета и все реже — о человеке, ради встречи с которым мы здесь сидели.

В половине девятого я поднял руку, напоминая о нашей договоренности. Ланской показал мне телефон: набирал текст. Я дал ему минуту. В восемь тридцать две он подошел ко мне.

— Пожалуйста, еще пятнадцать минут. Он отвечает.

— Вы сейчас с ним переписываетесь?

— Да.

— Давайте хотя бы уточним, здесь ли он собирается встретиться. В третий ресторан я не поеду.

— Здесь.

Я открыл сообщение Соколовой с ее номером, но не успел позвонить. Телефон завибрировал. На экране появилась фотография Аси, сделанная три года назад возле суда: она прикрывала лицо папкой, потому что я выбрал отвратительный момент. Другой фотографии я так и не поставил.

— Да, — сказал я.

— Кирилл, он здесь. Климов. Его привезли к боковому входу. Мария его узнала.

Голос у Аси был быстрый, собранный. Я сразу встал.

— Ты где?

— У двери кафе. Он сам выйти не может. Подожди. Сергей, не садитесь обратно. Нет, я вас не трогаю.

Дальше она говорила уже не со мной. Я услышал мужской голос, но слов не разобрал. Что-то ударилось о твердую поверхность, совсем рядом с ее телефоном.

— Ася, отойди внутрь. В машину не садись. Я вызываю полицию. Слышишь?

— Слышала. Держите дверь. Мария, стойте здесь. Не надо его...

Связь оборвалась.

Я посмотрел на экран. Разговор шел сорок одну секунду. Время — двадцать тридцать шесть. Набрал ее снова. Вызов проходил, но ответа не было.

— Что случилось? — спросил Ланской.

Я не ответил. Открыл сохраненную карточку встречи и набрал 112. Пока шел вызов, взял куртку с соседнего стула и направился к выходу. Ланской пошел следом.

Диспетчеру я назвал себя, номер телефона, город, точный адрес кафе «Перрон» у северного автовокзала. Сказал, что с места звонила моя коллега Ася Юдина, что она обнаружила разыскиваемого Сергея Климова возле автомобиля и что связь оборвалась при признаках кон-

фликта. Подчеркнул: сам я нахожусь в другом районе, происходящее видел не лично. Машину описать не могу. Есть еще женщина по имени Мария.

— Сколько участников?

— Достоверно не знаю. Две женщины, разыскиваемый мужчина и по меньшей мере один другой мужчина, чей голос был слышен. Нужен наряд сейчас.

— Информация передается. Оставайтесь на связи. Вы можете еще раз связаться с вашей коллегой?

— Пытаюсь. Я еду туда.

Я продиктовал номер Аси и повторил, что у кафе есть боковой вход. Диспетчер уточнила подъезд с привокзальной площади, я сверился с карточкой. На фотографии Ася дописала название улицы и номер дома. В эту минуту ее упрямство, заставлявшее заполнять обычные листки, помогало больше всех моих догадок.

У двери меня остановила официантка.

— Мужчина, ваш счет.

— Возьмите здесь, — сказал Ланской.

Он протянул ей карту и повернулся ко мне.

— Кирилл Андреевич, подождите. Вы же не знаете, что там произошло.

— Именно поэтому вызываю полицию.

— Я понимаю. Но вы сейчас уедете, а Губин приедет.

Я застегнул куртку. Молния заела у самого горла. Пришлось опустить ее и потянуть снова.

— Наблюдение прекращено. В двадцать сорок. Я пришлю отчет.

— У нас до одиннадцати.

— Теперь нет.

— За эти часы заплачено.

В его голосе впервые появилась настоящая злость. Не громкая, без угроз, но очень ясная. Он словно не мог понять, как вещь, за которую внесли деньги, перестала принадлежать ему раньше указанного срока.

— Остаток верну, — сказал я.

— Я не о сумме.

Телефон снова показывал исходящий вызов Асе. Никакого ответа. Я убрал его от уха и посмотрел на Ланского.

— Отойдите от двери.

Он стоял не вплотную, пройти можно было и так. Но мне нужно было, чтобы он сделал это сам. Ланской взглянул на официантку, потом шагнул в сторону.

Я вышел под дождь. На экране навигатора путь до северного автовокзала занимал сорок семь минут. Откуда-то позади Ланской крикнул, что его зонт остался в «Тополе». Я не обернулся.

В машине набрал Асю еще раз. Вызов шел долго, так долго, что я успел завести двигатель, включить обогрев стекла и поставить телефон в держатель. Потом соединение прекратилось.

Я выехал со стоянки. В зеркале на несколько секунд осталось лицо Ланского под ярким навесом. Он не звонил и никуда не шел. Просто стоял и смотрел, как моя машина поворачивает к мосту.

Глава 3. Полный отчет

До моста я добрался за одиннадцать минут. Дальше машины шли в два ряда, медленно перестраиваясь перед ограждением. На крайней полосе мигала оранжевая лампа дорожной службы. Рабочий в мокром жилете стогнал воду длинной щеткой, другой смотрел под капот остановившегося грузовика. Я убрал ногу с газа. Выиграть здесь можно было несколько метров, потерять — весь оставшийся вечер.

Телефон зазвонил, когда я уже проехал середину моста. Номер был незнакомый.

— Дроздов Кирилл Андреевич? — спросил мужчина.

— Да.

— По вашему сообщению. Вы сейчас где?

Я назвал мост и направление. Он представился сотрудником полиции, продиктовал фамилию, уточнил номер Аси и попросил еще раз передать последние слова. Я повторил их почти дословно. Когда дошел до мужского голоса, остановился.

— Что он сказал, я не разобрал. Не стану придумывать.

— Машину она называла?

— Нет. Только что Климова привезли к боковому входу. Кафе «Перрон». Адрес я сообщил.

— Наряд там. Проверяют. Ваша коллега с вами после этого связывалась?

— Нет.

— Вы ей звонили?

— Три раза. Вызов проходит. Ответа нет.

Он попросил больше пока не набирать ее без необходимости и оставаться доступным самому. Я спросил, что нашли на месте.

— Уточняем. Когда приедете, не заходите за ограждение. Скажите сотрудникам, что вы заявитель.

Я не стал требовать от него успокаивающих слов. Он не был обязан знать ответ раньше, чем получил сведения. Положил телефон и посмотрел на часы. Двадцать пятьдесят четыре. С момента Асиного звонка прошло восемнадцать минут.

Это уже было больше, чем позволял самый благополучный вариант. Человек мог уронить телефон, он мог разрядиться, связь могла прерваться. Но я слышал, как Ася говорила кому-то не садиться обратно. И она не вернулась в кафе, чтобы позвонить с чужого аппарата. Взрослые люди иногда исчезают по собственной воле. Ася не стала бы начинать это с попытки помочь мужчине у чужой машины.

На следующем светофоре я позвонил Роману Юдину. Он взял трубку не сразу.

— Кирилл? — спросил он. — Ася у тебя?

Я почувствовал, как неприятно напряглись мышцы между лопатками.

— Нет. Она сегодня встречалась с человеком по работе. Не выходит на связь. Я еду туда, полиция уже на месте. Она вам не звонила?

— В шесть звонила. Сказала, приедет в субботу, если получится. Что значит не выходит?

Я рассказал коротко, без деталей, которых у меня еще не было. Он молчал, пока я говорил. Роман всю жизнь водил большие машины и никогда не заполнял тишину словами только ради того, чтобы не слышать мотор.

— Адрес скажи, — попросил он наконец.

— Я пока сам ничего не знаю. Вы далеко.

— Адрес, Кирилл.

Я назвал кафе и тут же пожалел, что начал с возражения. Он был ее отцом. Не мне решать, имел ли он право приехать туда, где могли найти его дочь.

— Только не садитесь за руль, если плохо себя чувствуете, — добавил я. — Возьмите такси. Я сообщу, как только что-нибудь узнаю.

— Ты с ней был?

— Нет. У меня другой выезд.

Он ничего на это не ответил. Я слышал, как щелкнул замок, потом что-то металлическое звякнуло о стол.

— Телефон не выключай, — сказал он.

Я обещал. Обещание было простым и выполнимым, поэтому я держался за него все оставшееся время до вокзала.

У поворота на привокзальную площадь стояла полицейская машина. Она не перекрывала всю дорогу, но водитель впереди меня сбросил скорость, разглядывая мигалку, и я сдержался, чтобы не посигналить. Свет фар скользнул по мокрой стене кафе. На стекле горела белая надпись «Перрон», ниже висело бумажное объявление о комплексных обедах. Внутри за столом у окна сидели двое посетителей. Один держал в обеих руках чашку, другой смотрел на дверь.

Я поставил машину у края стоянки. На часах было двадцать один двадцать восемь. Дорога заняла сорок восемь минут.

У бокового входа натянули ленту. Между ней и стеной стояли два человека в форме и женщина в темном пальто. Она показывала на асфальт, потом на проезд. Я подошел к ближайшему полицейскому, назвал себя и показал паспорт вместе с удостоверением. Лицензия не открывала ленту; я и не пытался пройти.

— Ожидайте здесь, — сказал он. — Сейчас с вами поговорят.

Я остался возле стены. Под козырьком было сухо только у самой двери, и мне пришлось встать боком, чтобы не задевать женщину с хозяйственной сумкой. Она тоже ждала. Пакет внутри ее сумки шуршал от каждого движения.

— Вы родственник? — спросила она.

— Коллега одной из женщин.

— Которая в рыжей куртке?

— В красно-коричневой. Вы ее видели?

Она кивнула и посмотрела на полицейского. Тот уже говорил с кем-то по рации.

— Я им рассказала, — сказала она. — Сначала показалось, свои. Они ведь разговаривали. А потом она упала.

— Кто?

— Ваша. Не совсем упала. На колено. Ухватила за дверь.

Я сжал телефон так, что палец нажал боковую кнопку. Экран погас.

— Дальше?

— Дальше меня спросили, где тут туалет. Этот, второй. Я ему показываю, а он уже к ним. Я еще не поняла. Мне потом девушка из кафе сказала отойти.

Женщина говорила сбивчиво, с длинными паузами. Я не стал помогать ей выбрать нужный порядок. Такие подсказки потом остаются в чужой памяти крепче действительного события.

— Вы видели, как они уехали?

— Белая машина. Большая. У меня муж на такой работал, но другая марка. Я не знаю, как называется. Там еще полоска была.

— Лучше вы все это еще раз скажете сотруднику. Точно как помните.

— Уже сказала. Я не ушла. Я сразу сказала, что останусь.

Я поблагодарил ее. Она посмотрела на мою руку с телефоном и спросила:

— Ей позвонить можно?

— Мы звонили. Она пока не отвечает.

Женщина кивнула и больше ни о чем не спрашивала. Ее сумка перестала шуршать.

Ко мне подошел мужчина в темной куртке, представился Павлом Валерьевичем Корнеевым и попросил пройти с ним к полицейской машине. Не сел за руль и не предложил мне сесть назад; встал под открытой крышкой багажника, где было меньше дождя. На бланке, закрепленном на планшете, уже лежали капли.

— Вы слышали разговор лично? — спросил он.

— Да.

— Записывали?

— Нет. В телефоне есть время и продолжительность. Последующие вызовы тоже.

— Покажите.

Я открыл журнал и повернул экран. Корнеев посмотрел, переписал время, спросил, какое дело вела Юдина. Я объяснил, что она самостоятельный частный детектив, искала Климова по договору с матерью, сообщала сотруднику, занимавшемуся розыском, о встрече с возможным свидетелем.

— Фамилия этого сотрудника?

Я не знал. Сказал об этом прямо. У меня был номер, который Ася передавала для экстренной связи вместе с общей карточкой дела, но я не общался с ним сам. Нашел контакт, показал Корнееву. Он записал и тут же передал информацию коллеге.

— Источник как зовут?

— В разговоре Ася назвала Марию. До этого имя я не слышал.

— Почему?

— Она не сообщала мне все сведения по своим договорам. Мы работаем рядом, не ведем каждое дело совместно.

— А по этому собирались?

— Сегодня я предлагал подъехать. Не смог. У меня был другой заказ.

Корнеев поднял голову. На вид ему было около сорока. Под глазами лежали темные складки, но взгляд оставался внимательным. Он не торопился задавать следующий вопрос, пока не закончил записывать ответ на предыдущий.

— Какой заказ?

Я назвал Ланского и изложил предмет договора. Корнеев не изменился в лице. Только ручка на секунду остановилась.

— Где вы находились в двадцать тридцать шесть?

— В кафе «Южный двор». На Южной набережной. С клиентом.

— Он был при вас?

— В тот момент да. В зале, в нескольких метрах. После звонка подошел ко мне.

— До этого?

— У меня есть записи с семнадцати. В основном был в поле зрения. С девятнадцати двадцати до девятнадцати двадцати четырех выходил в уборную. Этот промежуток я не подтверждаю.

— Ваш договор сейчас с вами?

— В машине. И в электронной почте.

— Записи тоже?

— Да.

Корнеев закрыл планшет ладонью, защищая лист от дождя.

— Пока ничего не изменяйте. Ни договор, ни заметки, ни сообщения. Копии предоставьте. Оригиналы при необходимости оформим отдельно. Сейчас мне нужно все, что относится к встрече Юдиной.

Я показал фотографию карточки. Он увеличил нижнюю строку и прочел время. Потом посмотрел на узкую бумажную полоску, закрывавшую контакт свидетеля.

— Оригинал где?

— Вероятно, в ее кабинете. Он заперт. Ключ у меня есть от приемной, не от ее шкафа.

— Туда тоже съездим.

— Что вы знаете о ней сейчас?

Он не стал делать вид, что не понял вопроса.

— Есть сведения о насильственном помещении двух женщин в автомобиль. Еще одного мужчину свидетели видели у той же машины. Устанавливаем личность, направление движения. Водителей ориентируют.

— Климова вы опознали?

— Пока устанавливаем. Вы дали полезную информацию. Но ее нужно проверить.

— Я могу поговорить с персоналом?

— Сейчас сотрудники с ними работают. Не задавайте одни и те же вопросы и не подсказывайте ответы. Если знаете что-то о маршруте Юдиной до кафе — скажите.

Я рассказал про такси, показал сообщение с номером. Корнеев передал и это. В его действиях не было ни враждебности, ни особого расположения. Я оказался человеком, который сообщал важные сведения и одновременно был связан с тем, что произошло. Он разобрался, как именно.

— Ее отец едет сюда, — сказал я. — Роман Юдин. Я предупредил.

— Хорошо. Пусть подойдет к сотруднику. Ваш номер у него есть?

— Да.

Корнеев посмотрел через мое плечо, кому-то кивнул и вернулся к ленте. Я остался возле машины. Дождь становился мельче и холоднее. Я не почувствовал, как намок воротник, пока вода не попала за шею.

Через несколько минут из кафе вышла молодая женщина в фартуке поверх толстого свитера. Подошла к полицейскому и спросила, можно ли ей забрать сумку из подсобки. Тот уточнил у коллеги и разрешил. Она прошла мимо меня, затем остановилась.

— Это вы ей звонили? — спросила она.

— Да.

— Она сказала: «Я сейчас с Кириллом поговорю». Вы Кирилл?

Я кивнул.

— Я дверь держала. Мне сказали держать. А потом этот мужчина ее оттолкнул. Не дверь. Женщину. Вторую.

Она торопилась, путалась в местоимениях и терла ладонь о фартук. Я увидел на ладони красную полосу.

— Вы сотруднику это сказали?

— Сказала. Мне кажется, я непонятно объяснила. Я думала, надо за дверью смотреть, чтобы она не захлопнулась. А нужно было кричать.

— Вы были здесь одна?

— Там еще повар. Он в кухне. Я потом закричала, он выбежал. Уже машина поехала.

Я хотел сказать, что она ни в чем не виновата. Слова были правильные, но сейчас они звучали бы слишком легко. Я вместо этого попросил ее еще раз показать сотруднику поврежденную руку и рассказать, где стоял каждый человек. Она посмотрела на ладонь так, словно только сейчас заметила след.

— Это об ручку, — сказала она. — Я ее не отпускала.

Она ушла к полицейскому. Я проводил ее взглядом и впервые представил, что произошло за сорок одну секунду нашего разговора: Ася с телефоном у уха, незнакомый человек у открытой машины, девушка, которой велели держать дверь. У каждого была своя небольшая часть действия. Никто не стоял над ними, видя картину целиком. Я тоже не видел ее. Я сидел в теплом зале за двадцать семь километров отсюда и обсуждал границы отчета.

Ланской позвонил в двадцать два ноль две.

— Вы на месте? — спросил он.

— Да.

— Что там?

— Работает полиция. Отчет я предоставлю позже.

— Я не про отчет. Ваша коллега нашлась?

— Нет.

Он помолчал. Я слышал какой-то ровный гул, похожий на вентиляцию в машине, и щелчок поворотника.

— Как ее фамилия?

— Зачем вам?

— Юдина?

Я посмотрел на пустой проезд за лентой.

— Откуда вы знаете?

— Я сейчас подъеду. Пожалуйста, никуда не уходите.

— Артем Викторович, что происходит?

— Там могла быть моя жена.

Я не ответил сразу. Все, что было вокруг, осталось на месте: девушка в фартуке разговаривала с полицейским, пассажиры позднего автобуса шли через площадь, возле моей машины тормознуло такси. Но я перестал видеть эти движения по отдельности.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Мария. Мария Павловна Ветрова.

Я повторил фамилию, чтобы не ошибиться.

— Почему вы не сказали раньше?

— Я не знал, что она с вашей коллегой.

— Сейчас откуда узнали?

— Мне позвонили. Я все объясню на месте.

— Кому вы звоните после меня?

— Я вызвал Елену Борисовну. Она приедет в отдел, если понадобится. Кирилл Андреевич, подождите меня.

Он закончил разговор. Я сразу нашел Корнеева и передал услышанное, вместе со временем звонка. Корнеев попросил показать номер, затем спросил:

— До этого о жене он говорил?

— Нет.

— Вы знакомы с Ветровой?

— Нет. До сегодняшнего звонка я знал только, что у нее была наша общая карточка. Ася сказала об этом, когда женщина спросила, поедem ли мы вдвоем.

— Это когда она говорила?

— Сегодня днем.

— Запомните разговор. Весь, не только эту фразу.

Я кивнул. Корнеев пошел к своему коллеге, и у меня впервые возникло желание достать блокнот и вычеркнуть несколько вполне правдивых строк. Не из-за закона. Из-за их вида. Моя фамилия рядом с фамилией Ланского, оплаченные часы, другой конец города. Я зарабатывал деньги, пока Ася встречалась с его женой. Я не знал об этой связи, но бумага не содержала моего незнания. Его предстояло объяснять словами.

Роман приехал раньше клиента. Вышел из такси без шапки, в старой куртке с разошедшейся строчкой на рукаве. Подошел ко мне быстро, не оглядываясь на полицейские машины.

— Где она?

— Пока не нашли.

— Что видели?

Я рассказал ему то, что сообщил Корнеев. Две женщины, автомобиль, признаки насилия. Ни слова о том, чего сам еще не понимал. Он слушал неподвижно. Когда я закончил, спросил:

— Она ранена?

— Не знаю.

— Жива?

Я сглотнул.

— Я разговаривал с ней в двадцать тридцать шесть. После этого сведений нет.

Он опустил глаза на часы. Это были дешевые электронные часы, которые Ася подарила ему на день рождения после того, как прежние остановились в мороз. Я помнил, как она выбирала их в интернете: большие цифры, подсветка, не нужно заряжать каждый день.

— Почти два часа, — сказал он.

Я не поправил, что меньше. Это ничего не меняло.

Роман спросил, кто главный, и я подвел его к Корнееву. Они отошли к полицейской машине. Мне захотелось пойти следом, но я остался на месте. Впервые за вечер от меня не требовалось ничего, и это оказалось тяжелее вопросов.

Ланской приехал в двадцать два двадцать семь. С такси он рассчитался на улице, посмотрел на кафе, потом на меня. Пальто было то же, а воротник рубашки уже застегнут. Зонта у него не было.

— Где Мария? — спросил он.

— Это мне вы сейчас вопрос задаете?

— Кирилл Андреевич, не надо. Я приехал как только узнал.

— От кого?

Он посмотрел на полицейского у ленты.

— Я готов все рассказать сотрудникам.

— Расскажите. Сначала кто позвонил?

— Наш сотрудник. Она должна была вечером передать ему документы. Не вышла на связь. Он начал искать, узнал, что она собиралась к частному детективу. Назвал фамилию.

— Как узнал?

— У нее спрашивал раньше. Не знаю. Я сам сейчас все по кускам собираю.

Подошел Корнеев, представился и попросил паспорт. Ланской достал его из внутреннего кармана, не споря. Я отступил на шаг. Удостоверение, которое клиент днем положил на мой стол, теперь оказалось в чужих руках. За несколько часов бумага не изменилась. Изменились вопросы к человеку на фотографии.

— Мария Ветрова приходится вам супругой? — спросил Корнеев.

— Да. У нее своя фамилия. Мы женаты семь лет.

— Где она работает?

— У нас. Диспетчером транспортных выездов.

— Название организации?

— «Возврат».

Я посмотрел на Ланского. В моем договоре стояла другая компания. Это тоже пока ничего не доказывало: человек мог иметь доли в нескольких предприятиях. Но название «Возврат» я знал. Его однажды произносил Влад Мальков, рассказывая, как надо разговаривать с теми, кто перестал отвечать на звонки.

— У вас есть фотографии жены, сделанные недавно? — спросил Корнеев.

Ланской открыл галерею. В его пальцах не было дрожи. Он листал фотографии быстро, потом замедлился, нашел нужную и повернул экран. Я увидел темноволосую женщину у окна, в белом свитере, с чашкой в руке. Лицо мне не показалось знакомым.

Корнеев попросил передать снимок установленным способом, уточнил номер телефона и домашний адрес. Потом спросил, где сам Ланской находился вечером.

Тот указал на меня.

— С семнадцати был с Кириллом Андреевичем. Все это время. Он может подтвердить.

— До двадцати сорока, — сказал я. — С оговоренным промежутком, который есть в моих записях. После двадцати сорока я уехал сюда.

Ланской быстро посмотрел на меня.

— Да. Конечно. До этого времени.

— Почему вы проводили вечер вместе? — спросил Корнеев.

Я начал отвечать, но он поднял ладонь.

— Я спрашиваю Артема Викторовича. Ваше объяснение у меня уже есть.

Ланской повторил историю о Губине, угрозах, несостоявшейся встрече. Говорил спокойно, без той злости, которую я слышал у двери кафе. Корнеев слушал и задавал короткие уточняющие вопросы. Ни разу не сказал, что все ясно. Ни разу не назвал мое наблюдение алиби.

Роман стоял в нескольких шагах от нас и смотрел на Ланского. Я подошел к нему, объяснил, что это муж второй женщины. Роман спросил:

— Он тоже был на своей работе?

Я ответил:

— Со мной.

Роман повернул голову. Не обвинял, не повышал голоса. Просто ждал, что я продолжу. И мне пришлось объяснить все еще раз, короче и хуже: другой заказ, открытое наблюдение, оплаченный вечер, жена с другой фамилией, которой я раньше не знал. Пока я говорил, чувствовал, что выбираю слова не только ради точности. Мне хотелось, чтобы он поверил. Это было опасное желание: ради него люди иногда незаметно меняют порядок событий.

— Ты знал, что она встретится с его женой? — спросил он.

— Нет.

— А он знал?

Я посмотрел на Ланского, который показывал Корнееву сообщения в телефоне.

— Пока не знаю.

Роман отвернулся. Он не сказал, что верит мне. Я не стал требовать.

В отдел мы поехали разными машинами. Ланской вызвал новое такси. Роман сел ко мне. До этого он попросил еще раз посмотреть место возле боковой двери. Сотрудник показал ему из-за ленты. Роман постоял минуту, потом молча вернулся. В машине застегнул ремень и положил ладони на колени.

— Она меня просила зимние колеса забрать, — сказал он, когда мы отъехали от кафе.

— Я вчера сказал, в субботу привезу. Нужно было сразу.

— Колеса тут ни при чем.

— Я знаю.

Больше он не говорил. Я тоже. На светофоре телефон показал сообщение Ланского: «Прошу не распространять сведения о моей семье до выяснения обстоятельств». Я не ответил. Сделал снимок экрана и сохранил вместе с остальными материалами. Сам по себе текст был законной просьбой человека, у которого пропала жена. И в то же время он пришел от заказчика, который несколько часов объяснял мне, что именно должен доказать мой отчет.

В отделе я сел за свободный стол в маленькой комнате возле дежурной части. Корнеев попросил подготовить последовательность моего вечера, пока его коллеги занимались другими объяснениями. Не художественный рассказ, не выводы — время, действия, источники сведений. Я достал ноутбук, открыл пустой документ и положил рядом блокнот.

До этого я писал десятки отчетов. Большинство читали быстро, отыскивая одну нужную строчку. Сейчас я впервые боялся, что прочтут все и каждое слово окажется на своем месте.

Одиннадцатое ноября, семнадцать ноль-ноль. Начало наблюдения. Встреча в кафе «Тополь». Ланской присутствовал. Губин не прибыл. В семнадцать двенадцать телефонный разговор, содержание со стороны собеседника неизвестно. В восемнадцать семь со слов Ланского предложено другое место встречи. В восемнадцать двадцать четыре прибытие в «Южный двор».

Я остановился и вернулся к первой странице. Не написал «встреча Ланского с Губиным», потому что ее не было. Написал «прибытие Ланского к месту предполагаемой встречи». Эти уточнения раздражали клиентов. Теперь я держался за них.

Девятнадцать двадцать — девятнадцать двадцать четыре. Клиент отсутствовал в поле зрения. Я видел, как он вошел в дверь уборной и вышел из нее; дальнейшие действия в этот период мне неизвестны. В двадцать тридцать шесть принял звонок А.Р. Юдиной. Ее слова изложены отдельно и не включены в описание лично наблюдавшихся на месте событий.

Когда я допечатал до двадцати сорока, руки у меня начали мерзнуть. В комнате было тепло, батарея под окном даже пахла нагретой краской. Я снял очки, протер их краем чистой салфетки и продолжил.

Наблюдение прекращено в связи с сообщением, указывающим на возможную угрозу жизни и здоровью другого лица. Ланской оставался у входа в кафе при моем отъезде. Сведениями о его дальнейших действиях не располагаю.

Потом я добавил условия заказа, сумму предоплаты и то, что фактически работа длилась меньше договорного времени. Мне хотелось вынести деньги в приложение, где их заметили бы не сразу. Я оставил их в основном тексте.

Корнеев вернулся, когда я проверял копии переписки. Прочел подготовленный файл на экране, попросил сохранить исходный вариант отдельно и распечатать. Я сказал, что хочу указать еще один разговор: дневной визит Малькова.

— В связи с чем? — спросил он.

— Он спросил, буду ли я вечером занят и поедем ли мы с Асей вместе. Тогда вопрос показался обычным. Сейчас я узнал, где работает Ветрова. Мальков связан с этой компанией, насколько мне известно.

— Откуда известно?

— От него самого. Давний разговор. Документы я не проверял.

— Его данные у вас есть?

Я показал контакт, назвал возраст приблизительно, объяснил, откуда мы знакомы. Корнеев записал.

— Не звоните ему сейчас с обвинениями, — сказал он.

— Я и не собирался обвинять.

— Хорошо. Тогда и с расспросами, которые позволят понять, что именно мы уже знаем, не звоните. Если он сам свяжется — сообщите. Не устраивайте самостоятельную встречу.

Я согласился. На языке вертелась догадка: Ланской зачем-то держал меня рядом, Мальков заранее проверил, что Ася останется без меня. Но между двумя неприятными совпадениями еще не было доказанной связи. Я все же высказал это как предположение, именно в таких словах.

— Проверим, — ответил Корнеев. — Сейчас не делайте из этого единственную версию. Вы тоже оплачиваемый участник событий. Нам важно понять, что знал каждый.

Он не пытался меня оскорбить. Это помогло меньше, чем я ожидал.

Я спросил, можно ли вернуться в нашу приемную за Асиной карточкой встречи и сведениями о договоре Климовой. Он сказал, что со мной поедет сотрудник и что закрытые помещения и документы будут оформляться отдельно. Еще раз уточнил, какие ключи у меня есть. Я ответил.

Когда Корнеев вышел, я перечитал свой отчет от начала до конца. Ни одной выдуманной минуты. Ни одной чужой мысли, записанной как факт. Все было правильно.

В коридоре Роман сидел на металлическом стуле и держал в руках два стаканчика чая. Один давно остыл. Он протянул его мне.

— Звонили? — спросил он.

— Пока нет новых сведений.

Он кивнул и подвинулся, освобождая место. Я сел рядом, поставил ноутбук на пол и обхватил стаканчик ладонями. На противоположной стене висело объявление о порядке приема обращений. Дверь справа то открывалась, то закрывалась. Кто-то спрашивал фамилию задержанного, кто-то искал потерянную сумку. Ночь не стала принадлежать только нам, хотя я уже не мог понять, как у людей оставались другие дела.

В телефоне лежал последний ответ Аси: «Сотруднику сообщила адрес. Пока обычный разговор. Не переживай». Я не открывал его снова. Помнил и так.

Роман допил чай и аккуратно сжал пустой стаканчик, чтобы он занимал меньше места. Потом спросил:

— Этот человек тебе много заплатил?

Я назвал сумму.

Он посмотрел перед собой и долго ничего не говорил.

— Я бы тоже заплатил, — сказал он наконец. — Чтобы ты был рядом с ней.

Я не нашел ответа. В отчете, который я только что закончил, такого пункта не было.

Глава 4. Человек без голоса

В приемную мы приехали после часа ночи. Сотрудника, который сел ко мне в машину, звали Алексей Зуев. Роман остался в отделе заканчивать объяснение. На прощание он попросил привезти Асину теплую куртку, потом вспомнил, что она и была в теплой, и отвернулся к окну.

Вахтер долго не мог попасть ключом в замок входной двери. Днем он здоровался с нами так, будто знал про каждого больше, чем мы сами. Теперь смотрел только на удостоверение Зуева.

— Пожара нет? — спросил он.

— Нет.

— А то я не слышал сигнализацию.

На втором этаже горел один плафон. Возле нотариата стояло пустое синее ведро, перевернутое на тряпку. Я открыл приемную, включил свет и сразу увидел коробку от принтера. Мы так и не вынесли ее. Зуев остановился на пороге, пока я называл, какая дверь куда ведет.

Ключ от Асиного кабинета принес управляющий зданием. Его разбудили, он приехал в спортивных брюках под пальто и всю дорогу по коридору выяснял по телефону, где лежит журнал выдачи запасных ключей. С ним вошел второй сотрудник, с небольшой камерой. Я указал на верхнюю полку у Асиного стола, где обычно стоял лоток для карточек предстоящих выездов, и отошел.

Мне приходилось бывать у нее сотни раз. При ней я мог поставить чашку на стол, взять ручку, усесться на подоконник. Сейчас ни к чему не притронулся. На экране выключенного монитора отражалась полоса света из приемной. На спинке стула висел серый шарф, оставленный до холодов. Рядом лежала раскрытая пачка пластырей.

Верхний лист в лотке оказался списком покупок. Лампочка, батарейки, картридж. Под ним лежала нужная карточка. Я узнал ее до того, как увидел дату: Ася всегда проводила линию под заголовком немного наискось, потому что ей было лень доставать линейку.

Зуев положил карточку на свободное место и сфотографировал. Бумажной полоски, закрывавшей контакт на присланном мне снимке, не было. В строке стояло: «Мария Ветрова», дальше номер телефона. Под ним Ася записала два коротких предложения: «Видела С.К. после 6.11. Где и когда — при встрече». Никакого адреса, кроме кафе, никакого обещания привезти Климова.

— Это она писала? — спросил Зуев.

— Да. Очень похоже. Фотография у меня есть, часть текста на ней видна.

Он повернул лист. На обороте были фамилия сотрудника, которому Ася передала сведения, и время звонка. Его звали Евгений Ракитин. Я наконец прочитал имя человека, существовавшего для меня до этого в виде чужого номера в телефоне.

Зуев позвонил ему из приемной. Я слышал только вопросы: получал ли, когда, сообщала ли еще что-нибудь. Потом он вернулся, убрал карточку в подготовленную упаковку и попросил меня назвать свой адрес.

— Зачем?

— Чтобы не искать вас утром. И где будете спать.

— Здесь.

Он посмотрел на два жестких стула возле двери.

— У меня в кабинете диван, — сказал я.

— Хорошо. Телефон со звуком.

Закрытый металлический шкаф Аси они не трогали. Нужные для первого шага сведения нашли на столе, остальное Корнеев собирался решать отдельно. Управляющий снова запер

кабинет. Я расписался там, где меня попросили, сверил перечисленные вещи и только после этого понял, что все время держал свою связку ключей в кулаке. На ладони остались красные углы.

Уже на лестнице Зуев сказал:

— С Климовой сегодня поговорим. Вы ее знаете?

— Вчера познакомились. Раньше видел в приемной.

— Ракитин ей звонит. Она ждала звонка Юдиной и сама набирала вечером. Теперь знает, что случилось у кафе.

— Что ей сказали о сыне?

— Что есть новые сведения. Оpozнание еще проверяют.

Я кивнул. Хотелось потребовать, чтобы ей сказали больше, хотя я сам не мог добавить ничего надежного. Мы стояли у двери Асиного кабинета, за которой остался ее шарф, и я вдруг очень хорошо понял, как звучит для матери слово «сведения».

Зуев уехал с коллегой. Я остался в приемной, позвонил Роману. Он уже вышел из отдела и стоял у остановки. Последний автобус давно ушел.

— Сейчас приеду, — сказал я.

— Не надо. Машину заказал.

— Вы домой?

— А куда?

Я не ответил. Он шумно вдохнул, будто собирался сказать что-то резкое, но спросил другое:

— У нее на столе мой конверт не лежал? Я ей за колеса деньги отдавал. Там адрес магазина.

— Не видел. Мы не весь стол смотрели.

— Ладно. Это потом.

Я слышал, как он объяснял водителю, где стоит. Потом снова заговорил со мной:

— Соседке сказал. Она утром зайдет. Ты тоже хоть ляг. От тебя толку не будет, если в столб въедешь.

Он произнес это сердито, и я впервые за ночь почувствовал благодарность за его сердитый голос. В нем оставался знакомый Роман, который мог ругать за непрогретый двигатель и тут же принести нормальный провод для прикуривания.

— Если позвонят, сразу вам, — сказал я.

— Знаю.

На своем диване я не помещался целиком. Снял ботинки, подложил под голову свернутый свитер, выставил на телефоне два будильника. До первого оставалось чуть больше четырех часов. Некоторое время я слушал трубы. Потом мне показалось, что в приемной звякнула ложка о кружку. Я сел, прежде чем успел проснуться, и увидел свет из коридора под дверью. Больше ничего.

В семь десять зазвонил будильник. Я выключил его и еще минуту смотрел на собственные ноги в носках. Правое колено затекло так, что пришлось разгибать его обеими руками. На телефоне не было пропущенных вызовов. Я проверил это дважды, выпил воды и позвонил Нине Степановне.

Она ответила до первого длинного гудка.

— Нашли?

— Это Дроздов. Мы вчера виделись у Аси. Пока нет. Я хотел бы к вам приехать.

— Мне полицейский сказал, что Сережу видели. Она его видела, ваша Ася?

— Она назвала его по имени во время звонка. Сказала, что Мария его узнала. Больше я пока не знаю.

— Это живая женщина была, Мария. Она ко мне подходила. Я думала, хоть одна живая.

— Когда подходила?

— Вы приезжайте. Я вам покажу. Мне все равно нужно выходить.

Она продиктовала адрес и спросила, успею ли я к восьми. Я сказал, что успею. В раковине лежали две кружки. Одну я вымыл, другую оставил и только потом понял, что у обеих был один и тот же дешевый рисунок с кофейными зернами. Асиной из них могла быть любая.

Климова жила на четвертом этаже дома возле старого трамвайного кольца. Лифт начинался со второго, и я поднялся пешком. Дверь открылась раньше, чем я позвонил второй раз. На Нине Степановне была вчерашняя вязаная шапка и застегнутое пальто. У ног стояла дорожная сумка.

— В больницу? — спросил я.

— Если скажут в больницу, в больницу. Там белье. Тапочки купила, у него домашних нет.

Она отодвинула сумку и пропустила меня. В прихожей пахло вареной картошкой. На тумбочке лежали объявления о пропаже, пачка кнопок и рулон прозрачного скотча. Я видел эти листы в интернете: Сергей Климов, тридцать пять лет, темная куртка, синие джинсы. На фотографии он стоял у воды, щурился и придерживал ладонью макушку, как будто ветер мог унести волосы.

Нина Степановна заметила мой взгляд.

— Хорошей фотографии нет. На паспорте он на себя не похож. А эту Сережина знакомая нашла.

— Это где снимали?

— На Волге. Три года назад. Он там работал. Не отдыхал.

Последнее она добавила резко. Я снял куртку, повесил ее на свободный крючок и сказал:

— Я не проверяю, имел ли он право отдыхать.

— Все проверяют. С кем жил, сколько пил, кому должен. У каждого находится причина, почему можно не искать.

— У вас Ася тоже спрашивала про долг.

— Спрашивала. Но потом искала.

Мы прошли на кухню. На столе стояла тарелка с очищенной картошкой, рядом две чашки. Нина Степановна сняла шапку и положила ее на подоконник. Седые волосы были прижаты на лбу.

— Я вам чаю налью. Только сразу говорите, если торопитесь. Не надо пить из вежливости и смотреть на часы.

— Чаю выпью. Потом попробуем понять, куда он поехал в пятницу.

— Я уже рассказывала.

— Знаю. Мне не все известно из ваших разговоров с Асей. И есть вещи, которые вчера еще не имели значения.

Она достала из кухонного шкафа синюю папку. На корешке было написано: «Сергей. Документы». Внутри лежали копии диплома, свидетельств, старых договоров. Последними были заявление о пропаже с отметкой о принятии и договор с Асей. Суббота, седьмое ноября. Воскресенье, восьмое. Нина Степановна разложила их передо мной в том порядке, в каком подавала.

— Здесь не надо искать ошибку. Я пришла в субботу утром, потому что в пятницу до ночи звонила знакомым. В субботу у меня заявление приняли. Никто меня на три дня не отправлял. Я сама сначала думала, что он где-то остался. Теперь вот думаю, почему я так думала.

— Он раньше оставался без звонка?

— Да. Вам легче?

Я придвинул к себе чашку.

— Мне нет. Ему тоже. Но я должен понимать, что изменилось именно в этот раз.

Она долго смотрела на меня, потом села напротив.

— В этот раз он обещал вернуть инструмент в понедельник. Он его чужим взял, под мою просьбу. Я сама Леониду позвонила, чтобы дал. Если бы Сережа просто уехал, он бы мне хоть написал, куда я теперь должна идти краснеть.

— Какой инструмент?

— Я название не запомнила. Чем трубы соединяют. В синем чемодане, тяжелый. Леонид сказал: насадки пересчитай, чтобы потом не искать. Какие там насадки, я не знала. Название инструмента записала.

Она вынула из папки сложенный лист в клетку. Там аккуратным школьным почерком были записаны фамилия Леонида Савельева, номер и две строки про инструмент. Я сфотографировал лист с ее разрешения.

— Ася с ним говорила?

— Звонила. Он на выезде был. Вчера вернулся, вечером написал мне, что утром в мастерской. Я хотела сама ехать. Вот.

Она показала сообщение на телефоне. Савельев не требовал вернуть инструмент немедленно. Он спрашивал, есть ли новости, и сообщал, что будет на работе с девяти. Ниже Нина Степановна написала: «Я приду». Сообщение ушло в шесть сорок две.

— С ним полиция связывалась?

— Связывалась. Он по телефону отвечал. Но я хочу, чтобы он еще раз вспомнил. Мне можно хотеть?

— Можно. Я тоже с ним поговорю, если согласится. Сначала расскажите про Марию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.